

Игорь Сахновский

Сахновский Игорь Фёдорович родился 17.07.1958 в городе Орск Оренбургской области. В 1981 г. окончил филологический факультет Уральского государственного университета. Работал литературным консультантом в Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт», научным и главным редактором в уральском отделении Академии наук СССР и региональном отделении издательства «Наука». Руководил газетой «Книжный клуб». В настоящее время – литературный редактор издательского дома «Абак-Пресс». Первая публикация – в газете «Орский рабочий» (1972). Автор прозы: роман «Насущные нужды умерших» (номинация на премию имени А. Григорьева, 2000); лауреат Международной литературной премии Fellowship Hawthornden International Writers Retreat, Великобритания (2002), цикл рассказов «Счастливыцы и безумцы» (Всероссийская премия «Русский Декамерон», 2003), роман «Человек, который знал всё» (финалист национальной литературной премии «Большая книга» и премии «Русский Букер» сезона 2006–2007; премия «Бронзовая улитка» Б. Стругацкого, 2008; в 2009 г. роман экранизирован режиссёром В. Мирзоевым), сборник «Незаконный рассказ о любви» и роман «Заговор ангелов» (М.: АСТ, 2009). Автор публикаций в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «London Courier», «Новый очевидец», «Большой город» и др. Книги И.С. издаются в Германии, Франции, Италии, Сербии, Болгарии. Два романа в переводе на французский язык опубликованы парижским издательством «Галлимар». Лауреат премии губернатора Свердловской области (2010). Автор двух сборников стихов «Взгляд» (1988) и «Лучшие дни» (1988). Участник АСУП-1,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов И.С.

Традиции, направления, течения: реализм, модернизм, акмеизм, концептуализм.

Основные имена влияния, переключки: О. Мандельштам, Ю. Казарин, М. Никулина, Ю. Кузнецов, А. Еременко.

Основные формальные приемы, используемые автором: эпитет, метафора, ирония, игровые стратегии, одичность, психологизм, рефлексия, театрализация и мифологизация обыденного, повторы и варьирование мыслеобразов и эмоций в едином цельном контексте.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: пейзажность, автобиографизм, память, звук и тишина, насекомые, стихии и стихийность, сиротство, беззащитность, одиночество, погода, любовь, свобода, география, бытовые детали, реконструкция прошлого.

Творческая стратегия: автомаифологизация, обретение идентичности в процессе постоянного углубления единого мыслительно-эмоционального комплекса.

Динамика: стихи 3-го тома продолжают поэтику стихов тома первого, различия сводятся, пожалуй, только к большей сюжетности стихов 3-го тома и к более ощутимой их психологической прозаизации, что являет себя, в частности, в длинной «бродской» строке.

Коэффициент присутствия: 0,78

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в такси, так уж получилось. В первый день жизни отец рассмотрел меня детально, как неведому зверушку, и спросил маму с брезгливым

Родители, Лидия Романовна и Фёд Михайлович

С мамой

любопытством, почти с ужасом: «Они что – все такие рождаются?». Позже я рискнул выяснить у матери: как выглядела зверушка, что именно ужаснуло отца? Она ответила: «Ты выглядел, как цыплята за рубль семьдесят пять». Это гастрономическое диво я ещё успел застать на прилавках: синеватые голые трупы с понурыми глазастыми головами. Ну да, видимо, в развитие удачно начатой темы родители снабдили меня подходящим инвентарём – цыплёнком-погремушкой из пластмассы лимонного цвета. И надиктовали таким образом первое прижизненное воспоминание. Мама скажет мне: «Этого не может быть. Ты не мог это запомнить. Потому что твоего несчастного цыплёнка нечаянно раздавили ногой и выбросили на помойку. А сколько тебе тогда было? Меньше года». Получается, что не мог. Но, хоть убей, я всё равно помню несъедобную гладкость той лимонной пластмасски, примятой зудящими дёснами.

У моих родителей, у обоих, матери были беглянками: одна бежала от вермахта, другая – от НКВД.

Мамина семья до июля 1941-го жила на Украине, под Винницей, где позже выстроят бункер для фюрера. Дед ушёл воевать (вплоть до тяжёлого ранения в бою за Будапешт), а молодая бабушка с двумя девочками на руках почти сорок суток добиралась до Урала в каких-то бездыханных телячьих вагонах, отставая от поезда, теряя детей, и прочая беда.

Семья отца была неполной: бабушка рассталась с мужем незадолго до его ареста в конце 30-х и жила в Москве с сыном (моим отцом) до тех пор, пока однажды сосед-чекист не шепнул ей в ком-

мунальном коридоре, что её заберут на днях, она уже в списках, и надо уезжать немедленно куда угодно, в любую глушь.

Так моих будущих родителей привезли на Южный Урал, в город Орск, который был для них чужим, а для меня стал родиной.

Мама преподавала русский язык, литературу и немецкий в вечерней школе. Отец 20 лет проработал инженером-электриком на никелевом комбинате. Насколько я помню, он всегда и всюду производил впечатление иногороднего: такой сдержанный, учтивый гость в чужом монастыре, со своим уставом не лезет, но и здешними порядками не увлекается.

Родители всю жизнь считали копейки, оглядывались на ценники: «Не могу себе позволить». Как и большинство нормальных советских хозяек, мать стирала под кухонным краном целлофановые пакеты – не выбрасывала, пока не порвутся. Отец прилаживал сломанную дужку очков изоляционной лентой. Но им в голову не приходило жаловаться на скудость быта – они от своей бедности точно не страдали.

Сейчас я думаю: от чего они страдали, так это от скудости географии. Если бы моей матери довелось заново изобретать компас, она бы, наверно, легко пожертвовала строгим намагниченным севером ради обожаемых Британских островов. Это не значит, что мать всерьёз мечтала об Англии: увидеть, прикоснуться и прочее. Правильнее сказать – даже и не мечтала. За свою жизнь она ни разу не побывала не то что за границей, но и в самом заурядном доме отдыха.

Отец как-то раз пришёл домой и сказал в шутку, что поедет работать в Кению, чем вызвал у меня, 11-летнего, просто эйфорический восторг. На самом деле ни в какую Кению он не собирался, а уезжал навсегда в Иркутск, где ему предложили место научного сотрудника в Сибирском энергетическом институте. Это был шанс вырваться из многолетнего заводского режима, не толкаться тёмными утрами в проходной с железной вертушкой, снять спечовку, покинуть ряды пролетарского живого «ресурса». Их расставание с матерью – результат обоюдного обдуманного решения.

В детстве самым важным человеком для меня была бабушка со стороны отца. Она была стройной и красивой, ничего общего с хрестоматийными бабульками в платочках. И самым главным, можно сказать, базовым вещам научила меня она: например, читать – в четыре года. Как появляются дети и о том, что все люди смертны, я тоже узнал от неё.

В шестилетнем возрасте я сочинил стихотворение, вот его полный текст: «Возле форточки пахнет свежестью. В сорок лет мало нежности». Впечатлённый этим произведением, я добыл 12-листовую школьную тетрадь в клетку, с таблицей умножения на «спине» и написал крупными печатными

буквами на лицевой стороне обложки: «Полное собрание сочинений. Том 1». Причём, насколько я помню, это не диктовалось желанием бегать и кому-то показывать, хвастаться своим творчеством, наоборот – стеснялся и прятал от всех.

О том, что «школьные годы чудесные», я узнал только из песни. Потому что школа, откровенно говоря, не запомнилась ничем счастливым: какие-то бесконечные вынужденные драки, адская тоска на уроках, грубость учителей. Но мне и без школы хватало настоящих, беспримесных радостей. С четырёх лет я, как заведённый, глотал всю доступную письменно-печатную продукцию, включая надписи на заборах, карамельные фантики и сурово адаптированные легенды Эллады. У матери в книжном шкафу были собрания сочинений Лермонтова, Гоголя, Гюго, Майн Рида и Конан Дойля. На сакраментальный взрослый вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» я отвечал: «Одиссеем».

Стихи я писал довольно долго и прекратил уже в зрелом возрасте. В причины вдаваться не буду, скажу только, что мне абсолютно понятны слова: «До тридцати поэтом быть почётно, и срам кромешный – после тридцати». Это сказал поэт-фронтовик Александр Межиров, который писал стихи вплоть до самой своей смерти в Нью-Йорке в возрасте 86 лет.

До развала СССР я успел издать две книги стихов в Москве и Свердловске, что по тем временам (когда вся печать в стране была государственной и подлежала цензурному «литованию») при отсутствии в стихах лирической патриотики либо конъюнктурных «паровозов» выглядело довольно круто. А сейчас, по-моему, не выглядит никак. В постсоветское время, когда разрешили публиковать практически всё что угодно, у меня ни разу не возникло желания напечатать свою книгу стихов. Возможно, потому что старые стихи как-то сильно отделились и стали казаться мне почти не моими, а новых я не пишу. Мне хотелось писать прозу, но я всё никак не решался, потому что не понимал, как это делается. Стихописание рождает «привычку ставить слово после слова». Слова радиоактивны: оказавшись рядом друг с другом, они создают новую, неожиданную реальность. А проза? Там же столько слов.

Свой первый роман с жутким названием «Насущные нужды умерших» я писал от руки, чаще всего за кухонным столом, и готов был плевать на каждое написанное слово, настолько оно мне не нравилось. Каждая фраза желала быть тут же зачёркнутой, чтобы навсегда уйти с глаз долой. Когда я доползал до низа страницы, у меня в руках оказывалась тайнопись, замурованная под четырьмя слоями абсолютно не читаемой правки. Я брался переписывать начисто, и получался второй черновик, не чище первого.

И.С., 2011 г.

Хотя этот роман опубликовали в «Новом мире» и дважды награждали за рубежом и в России, он до сих пор мне кажется неумелым и наивным. Но что вызывает у меня чувство некоторой гордости, так это присутствие в книге моего родного захолустного Орска, с его старгородскими пирожками с требухой, трамвайным мостом через Урал, адским запахом хлорки в вокзальных туалетах и кустами волчьей ягоды в ЦПКиО. И то, что мою первую запретную любовь, смешанную с привокзальной тоской, перевели на три основных европейских языка. Мне до сих пор не верится, что легендарный парижский «Галлимар» выпустил «Насущные нужды умерших» в той же серийной обложке (её дизайн не менялся уже лет восемьдесят), в которой выпускал, например, набоковскую «Лолиту», Бунина, Фолкнера и Кортасара.

Я до сих пор не считаю себя профессионалом в полном смысле слова и стараюсь избегать слова «писатель» по отношению к себе, хотя опубликовал в общей сложности одиннадцать книжек прозы, включая те, что вышли за рубежом.

Меня младшая сестра однажды спрашивает: «Как ты не боишься так откровенно писать?». Я говорю: «А что мне остаётся?». Иначе ведь невозможно сделать что-то настоящее. В стихах, мне кажется, автор может как-нибудь переодеться, нарастить пожизненную маску или спрятаться. А в прозе – ты совершенно голый. Если, конечно, ты не симулянт и не штамповщик имитаций.

Для меня по-прежнему писание текстов – «кухонное», сугубо частное дело. Это одинокое и мнимое занятие, где результат непредсказуем и не может быть гарантирован никогда.

Когда я беру в руки свою новую, только что вышедшую книгу, то, честно говоря, не испытываю особенного восторга, но у меня есть ощущение правильно сделанной работы, за которую мне не стыдно ни перед кем.